

ВЕТХОЗАВЕТНАЯ МИСТИКА И ГРЕЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ: ДВА ПУТИ ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ ЛЬВА ШЕСТОВА¹

И. И. Евлампиев

Евлампиев Игорь Иванович

доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: yevlampiev@mail.ru

В своей философии Лев Шестов резко противопоставляет два пути жизни: ложный путь — это следование за разумом и подчинение законам, которые открывает разум, и истинный путь — это переживание «пророческого вдохновения», которое способно соединить человека с Богом и обеспечить исполнение любого желания вопреки законам и требованиям разума. Второй путь показали ветхозаветные пророки (в частности, Иов и Авраам), и они остаются неповторимым примером праведной жизни. Однако Шестов, отрицая разум, не может дать обоснования свободе. Он сводит свободу к произволу, но произвол подобен необходимости, поскольку человек не может им управлять. Правильно понятая свобода — это акт преодоления законов, которым подчинен человек. Этот акт является мистическим по своей сути (не объяснимым рационально), но он возможен только по отношению к законам, которые он отрицает. Таким образом, мистическая интуиция и разум должны дополнять друг друга в нашей жизни, а не противопоставляться.

Ключевые слова: Лев Шестов, ветхозаветные пророки, мистика, рационализм, свобода и произвол

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01168, Санкт-Петербургский государственный университет).

The research was carried out thanks to funding of Russian Science Foundation (project No. 17-18-01168, Saint Petersburg State University).

THE OLD TESTAMENT MYSTIQUE AND THE GREEK RATIONALISM: TWO WAYS OF LIVING IN THE PHILOSOPHY OF LEO SHESTOV

I. I. Evlampiev

Igor Ivanovich Evlampiev

Doctor of Philosophy, Professor

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia

E-mail: yevlampiev@mail.ru

In his philosophy, Leo Shestov sharply contrasts the two ways of life: the false path is the movement for the intellect and the subjugation of the laws that the intellect opens, and the true path is the experience of “prophetic inspiration” that is able to connect man with God and ensure the fulfillment of any desire contrary to the laws and requirements of the intellect. The Old Testament prophets (in particular, Job and Abraham) showed the second way of life, and they remain a unique example of a righteous life. However, denying the intellect, Shestov can not give a correct justification for freedom. It reduces freedom to arbitrariness, but arbitrariness is like necessity, since a person can not control it. Correctly understood freedom is an act of overcoming the laws to which a person is subordinate. This act is mystical in its essence (not intelligible rationally), but it is possible only with respect to laws that it denies. Thus mystical intuition and intellect must complement each other in our lives, and not be opposed.

Keywords: Leo Shestov, Old Testament prophets, mysticism, rationalism, freedom and arbitrariness

Важнейшей темой философских размышлений Льва Шестова является противоположность непосредственной жизни человека и его разума, который, пытаясь познать жизнь, вырабатывает систему абстрактных идей, принципов, норм, императивов и строит с их помощью развернутую «теорию» нашей жизни, представляя ее как естественную часть всего бытия. Во всех своих работах Л. Шестов решительно доказывает, что это стремление разума абсолютно ложно, оно подавляет и убивает жизнь, превращает человека в «марионетку», подчиненную рациональным законам и принципам.

Похожая критика в адрес традиционного рационализма высказывалась многими русскими философами, современниками Шестова, например, Н. А. Бердяевым, С. Л. Франком, Н. О. Лосским и др. Но критика Шесто-

ва носила гораздо более радикальный характер, поскольку он не видел возможностей какого-то изменения разума, чтобы он из «врага» жизни стал бы ее «союзником». Точнее, такую возможность Шестов все-таки один раз предположил, написав книгу «Апофеоз беспочвенности» (1905). В ней он задумался над возможностью создать с помощью разума философию, которая, не претендуя на абсолютную истину, пыталась бы следовать за текучей, изменчивой жизнью, а не навязывала бы ей жесткие и однозначные формы. Однако эта книга стоит особняком в творчестве Шестова, в последующих работах нет никакого развития той тенденции, которая была намечена в «Апофеозе». В большинстве своих сочинений, особенно в годы эмиграции, Шестов представлял разум только «врагом» жизни, задачу своей философии он видел в том, чтобы решительно защищать жизнь от мертвящей силы разума.

Тем не менее он не мог пройти мимо задачи постижения жизни хотя бы в какой-то форме, ведь отрицая такую возможность, он впал бы в крайний иррационализм, в рамках которого вообще ничего нельзя было бы ни утверждать, ни отрицать относительно подлинного смысла жизни. В ранних работах в качестве своеобразных союзников в борьбе с разумом и его стремлением к господству над жизнью, Шестов рассматривал некоторых героев литературных произведений Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Наиболее значимой для него была позиция героя повести «Записки из подполья», который последовательно отрицал диктат рациональных принципов и идеалов. Рассматривая эту повесть как главное произведение Достоевского, Шестов находил в ней выражение последовательного мировоззрения, которое уместно назвать «экзистенциальным эгоизмом»². Такого рода эгоизм отличается от обычного, прямолинейного эгоизма тем, что здесь целью является не преследование конкретных сиюминутных интересов субъекта, а защита целостности и неповторимой оригинальности собственной личности от каких бы то ни было «внешних» посягательств.

Но что такое личность, какова ее сущность? Можно ли ее постичь, хотя бы в минимальной степени? В ранних работах Шестова на эти вопросы нет ответа, более того, поскольку он защищает крайний индивидуализм, можно предположить, что он отвечал на них отрицательно, поскольку предполагал, что каждый человек настолько неповторим в своей экзистенциальной сути, что здесь вообще невозможно говорить о чем-то общем и едином. Но если так, то в рамках той позиции, которую защищает Шестов, ничего не остается, как быть крайним эгоистом — уже неважно «экзистенциальным» или бесхитростно прямолинейным, и вообще не стоит думать ни о каких проблемах, связанных со смыслом жизни, единством людей, общностью каких бы то ни было их целей и т. п. Кажется, что этот

²Подробнее об этом см. Evlampiev 2017, 81–110.

итог неизбежен, однако Шестов не хочет занимать эту позицию и находит выход из намечающегося тупика в религии.

Религию Шестов признает единственным способом обоснования нашего бытия, который не оставляет нас наедине с собой, а выводит в некую общность, помогает начать общение с себе подобными и с высшей инстанцией бытия, которую все религии по традиции называют Богом. Впрочем, Шестов готов принять только такую форму религии, которая полностью отвергает разум и любую возможность рационального выражения. Может показаться, что такой религии никогда не было в истории, поскольку все значимые религии имеют достаточно сложное учение, а оно невозможно без опоры на разум. Тем не менее, Шестов считает, что во всех главных религиях, прежде всего в иудаизме и христианстве, есть «ядро», которое сопротивляется любой рационализации, *именно его содержание нужно принять как единственно возможную мистическую истину*, отвергнув все возможные формы рациональной истины. Наиболее прямое и явное выражение этой мистической истины, дающей нам опору в жизни и как-то (но не рационально) отвечающей на вопрос о смысле жизни, содержится в историях ветхозаветных пророков, среди которых Шестов особенно выделяет Иова и Авраама. Наиболее лаконично и ясно свое понимание этой проблемы Шестов выразил в работе «Умозрение и Апокалипсис (Религиозная философия Вл. Соловьева)» (1927).

Религия, как и философия, дает обоснование всему существующему через возведение всего к единому источнику бытия; религия называет этот источник Богом, философия — Абсолютом. Самый главный вопрос, который здесь должен быть поставлен и решен, — каким образом мы получаем «доступ» к этой высшей инстанции бытия. Шестов уделяет особое внимание В. С. Соловьеву, как важнейшему русскому мыслителю, который сформулировал важные подходы к решению указанного вопроса. Шестов цитирует утверждение Соловьева, в котором он видит выражение важнейшей истины, но облеченной в ложную форму, искажающей ее глубокий смысл:

«Двумя путями, пророческим вдохновением у евреев и философской мыслью у греков — человеческий дух подошел к идее Царства Божия и идеалу Богочеловека»³.

Истиной здесь является само понимание двух возможных путей движения человеческого духа к постижению высшего начала, Бога. При этом Соловьев сводит содержание указанного начала к «идее Царства Божия» и «идеалу Богочеловека», именно в этом заключено искажение его мысли, ведь *идея* и *идеал* — это порождения разума, поэтому здесь два обозначенных пути теряют свое равноправие, так как каждый из них должен отвечать критериям разума, т. е. подчиниться его законам.

³Цит. по: Shestov 1964, 39.

Шестов согласен с Соловьевым в главном: помимо разума у нас есть только одна альтернатива, один возможный путь для постижения Бога, высшего источника бытия — ее демонстрируют ветхозаветные пророки. Однако в чем же более конкретно выражается этот путь? Ведь пророки не разъясняют, каким образом они «достигают» Бога, мы знаем только некоторые их выразительные поступки, подобные жертвоприношению Авраама, демонстрирующие какое-то особое отношение к Богу.

Шестов говорит об указанной альтернативе как о «пророческом вдохновении»: «Мы стоим перед дилеммой: либо путь пророческого вдохновения, либо путь разумного или, как говорят, философского искания»⁴. Что значит это «вдохновение»? Каждый из нас переживает свои моменты «вдохновения», но, видимо, здесь имеется в виду нечто совсем иное. Чтобы понять, что имеет в виду Шестов, нужно более детально посмотреть, как он передает истории пророков, что видит в них в качестве главного.

Для него в истории пророков, в демонстрации их праведности перед Богом, весь смысл Писания.

«Вся Библия — Ветхий и Новый Завет — держится на *такой* праведности и большинство посланий ап. Павла говорят об этой непостижимой и идущей вразрез со всеми навыками нашего мышления истине, открывшейся много тысяч лет тому назад маленькому, полудикому народу. Обосновать, доказать эту истину, как доказываются другие истины, не то, что невозможно, — она не принимает ни обоснований, ни доказательств. Самая сущность и все великое значение ее именно в том и состоит, что она обходится без доказательств. Праведность, т. е. отличие, прерогатива Авраама в том, что он мог идти, не зная куда идет. Наша же греховность, слабость, наше ничтожество в том, что мы не смеем идти, не спросившись вперед, что нас ждет на новом месте. И, сколько ни выпрашиваем, все же до обетованной земли не доходим, а разве что добираемся до идеи “всеединства”, в которой усматриваем смысл и цель мироздания...”⁵

Шестов констатирует несовместимость упомянутого здесь стремления в «обетованную землю» с стремлением к истине, характерной для философского искания.

«Не думаю, чтобы тут были возможны два ответа. Истина есть истина, а обетованная земля есть обетованная земля. И пророческое вдохновение есть нечто совсем иное, чем философское исследование. Греки это понимали превосходно. Обетованная земля евреев им представлялась дикой фантазмагорией, а готовность Авраама идти, не зная, куда он идет, возбуждала в них все негодование и даже презрение, на которое они были способны»⁶.

⁴Shestov 1964, 42.

⁵Shestov 1964, 43–44.

⁶Shestov 1964, 44.

В конечном счете, все упирается в практическую этику, в вопрос о том, как жить человеку. И, как кажется Шестову, по отношению к этому вопросу различие «пророческого вдохновения» и «истины» оказывается очевидным.

«Философ, даже когда чувствовал, что его насильно влечет чуждая ему и враждебная ему сила, считал себя обязанным делать вид, что идет по своей охоте. В этом последняя тайна греческой мудрости, наивно приглашенная доверчивыми римлянами. Человек “знает”, что судьба непреодолима. Бороться, стало быть, бессмысленно. Остается одно: покориться судьбе, приспособиться к ней и так перевоспитать себя, переделать свою волю, чтоб необходимое принимать, как должное, как желательное, как лучшее. В этом — мудрость, все прочее — безумие. Вся древняя философия на этом держалась. Сперва разум открывает человеку, что возможно и что невозможно, потом тот же разум внушает ему, что стремиться к невозможному — безумие. Из этого, наконец, делается вывод: высшее благо есть душевное спокойствие, которое достигается только безусловным исполнением всех велений разума и отречением от личной, собственной воли. Пророки, в противоположность философам, никогда не знают покоя. Они — воплощенная тревога. Они не выносят удовлетворенности, словно чуя в ней начало разложения и смерти. Оттого философов часто чтили и уважали, пророков же всегда ненавидели и гнали. Разве могут люди любить тех, кто ищет невозможного, борется с непреодолимым, не верит в самоочевидности, не покоряется даже разуму? Для грека мирозданием правят вечные, неизменные законы, неизвестно когда и неизвестно откуда пришедшие. Их можно изучать — с ними нельзя разговаривать, им должно повиноваться, но их нельзя умолить. Еврейский пророк чует над собой живого Бога, который своей волей создал живого человека. <...> Для пророка — прежде всего, всемогущий Бог, творец неба и земли, потом — истина. Для философа — прежде истина, потом Бог. Философ покоряется и аду, и смерти, и в этой “вольной” покорности находит свое высшее благо, пророк вызывает на страшный и последний бой и ад, и самое смерть»⁷.

Надо отдать должное Шестову, он очень выразительно и «красиво» формулирует практический смысл противостояния двух путей человеческой жизни, в центре их противостояния оказывается разное отношение к *свободе*. Разум в своем действии находит в мироздании законы и ничего иного не может найти, в результате, он констатирует, что человек, как и все в мире, подчинен законам и, следовательно, не может желать того, что с ними несовместимо; это означает, согласно Шестову, что человек не обладает подлинной свободой. Если же пойти путем ветхозаветных пророков, т. е. осуществить в себе в той же мере, как они, веру в Бога,

⁷Shestov 1964, 45–46.

то для нас не будут иметь значения законы и любое желание станет возможным; *это и есть свобода*.

Однако прежде, чем соглашаться с Шестовым, заметим, что понятие свободы является одним из самых сложных и многозначных, особенно если мы применяем его за пределами философии, т. е. за пределами строгих принципов разума. Делая вид, что он говорит о проблеме свободы, Шестов на самом деле ставит вопрос о другом — о допустимости *любого желания*, прежде всего *желания невозможного и немыслимого*, например, желания воскрешения умершего человека (именно на это намекают последние слова о том, что пророк «вызывает на страшный и последний бой и ад, и самое смерть»). Но здесь возникает очень трудная и тонкая проблема. Шестов, конечно, имеет в виду желания, так сказать, «возвышенные» и «благородные», но все ли люди в качестве самых глубоких, страстных, вдохновляющих имеют именно такие желания? Шестов говорит о ветхозаветных пророках, но таких людей, демонстрирующих самые возвышенные желания, единицы, в то же время желания простых людей, если и они раскроют в себе способность к «пророческому вдохновению» и окажутся способными пожелать невозможного, могут оказаться совсем не такими возвышенными.

Сам Шестов приводит пример весьма «неблагородных» желаний, когда в книге «Достоевский и Ницше» вспоминает героя повести «Записки из подполья»; в своем желании пить чай он готов весь свет «продать за копейку»: «Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас за копейку продам. Свету ли провалиться или мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить»⁸. Обычный человек, вовсе не являющийся пророком, может пожелать очень странных и, самое главное, очень опасных — и для себя и для других — вещей. И этого мало, ведь среди людей очень много тех, кто, подчиняясь социальным требованиям и репрессивному аппарату общества, ведут себя вполне добродетельно, но в душе несут глубокие и вполне «искренние» желания зла другим людям. Неужели все эти «невозможные» желания также будут осуществляться, если призыв Шестова дойдет до людей, и они смогут желать по-настоящему сильно, с «пророческим вдохновением»?

Продолжая логику Шестова, можно было бы представить себе, как он попытается бы обойти сформулированную трудность, как бы ответил на этот вопрос. Он мог бы возразить, что люди, искренне желающие другим зла или какой-нибудь нелепости себе или другим, не обладают такой степенью духовного содержания, духовной зрелости, которая позволяет осуществить подлинный акт веры и через соединение с Богом добиться исполнения желаемого. Акт веры и исполнение желаний возможны только для тех, кто стал подобным ветхозаветным пророкам, а это требует

⁸Shestov 1996, 348; cp. Dostoevsky 1973, 174.

от человека такой внутренней «работы» и такого духовного развития, которые делают невозможными негативные желания. Однако это рассуждение не может решить проблемы; дело в том, что, приняв такую логику, Шестов мгновенно попал бы в ту самую «ловушку», в которую попали, по его мнению, многие европейские философы, размышлявшие над аналогичными проблемами. В этом случае он был бы вынужден отдать желания конкретного и неповторимого человека *на суд разума*. Ведь мы вынуждены производить «классификацию» людей по степени их духовной зрелости, по их развитию и реальной готовности встать лицом к лицу с Богом. Но критерий такой «классификации», такого распределения людей по «разрядам» не может не быть рациональным и понятным всем, иначе люди не примут его.

Собственно говоря, Шестов сам решительно отводит такой способ устранения проблемы «злых» желаний; в одном из своих поздних сочинений он берет в качестве примера спор Сократа с софистом Калликлом из диалога Платона «Горгий». Ограниченный и неразвитый Калликл не в состоянии отражать тонко выстроенные рассуждения Сократа, который доказывает ему, что добро заключается в том, что воля человека должна быть подчинена некоторым объективным законам, выражающим это самое добро. Несмотря на свой философский статус, Калликл стоит на позиции обычного человека, не желающего ничего знать о тонкостях диалектики, он готов признать добром только собственные эгоистические желания и веления собственной воли. Казалось бы, здесь не может быть двух мнений: любой человек, исходящий даже не из «разума», а просто из здравого смысла, должен признать правоту Сократа в этом споре и просто высмеять глупого Калликла. Однако Шестов защищает именно позицию Калликла:

«Сколько бы и как искусно ни доказывал Сократ, Калликл не даст себя убедить. Задачу человека на земле он видит в том, чтобы найти возможность осуществлять свою волю. <...> Для него свобода несовместима с покорностью. Он также не хочет зависеть от общего закона, как и от власти другого человека. Он хочет сам законодательствовать во всех областях, он хочет, чтобы на скрижалях завета были выгравированы его слова и повеления. Но как ни пылок и смел был Калликл, в истории победа записана не за ним»⁹.

Как мы видим, Шестов не признает никакой иерархии людей: желания и воля неразвитого Калликла для него столь же «священны», как желания и воля великого Сократа. Шестов — подлинный «демократ», для него все люди равны; и это означает, что нет великих, все «малы» перед Богом. Но значит, *все* желания должны допускать исполнение в рамках «акта веры» и «пророческого вдохновения».

⁹Shestov 1993, 41.

Здесь нужно сделать еще одну оговорку. Бога мы должны понимать не менее свободным, чем человека. Он не подчинен никаким законам и обязательствам, и это означает, что *он не обязан исполнять любое человеческое желание*, пусть даже оно сопровождается «пророческим вдохновением»: он может в равной степени и исполнить, и «отклонить» его. В связи с этим можно было бы подумать, что Бог как бы «отсеивает» «хорошие» желания от «плохих» и исполняет только первые. Но этот путь также не может разрешить проблемы, поскольку в этом случае мы должны были бы подчинить Бога какому-то критерию, с помощью которого он отделял бы зло от добра, а это будет означать подчинение его разуму.

Последовательно развивая свою концепцию, Шестов должен был бы признать, что *все* желания *всех* людей абсолютно равноправны, они все достойны исполнения, лишь бы были *непосредственными*, исходили из глубин личности и не контролировались разумом. При этом Богу также нельзя отказать в свободе, которая предполагается у человека, а поскольку свобода есть произвол, то и Бог может как выполнить любое желание человека, так и отказать ему. В этом смысле вывод Шестова, что любое желание, сопровождаемое «пророческим вдохновением» будет исполнено Богом, повисает в воздухе, этот вывод оказывается необоснованным в системе его предпосылок. Он будет справедлив только при том предположении, что акт «пророческого вдохновения» до такой степени сближает человека с Богом, что человек как бы «поглощает» Бога и, «используя» Бога, сам исполняет свои желания. Но такое понимание отношения Бога и человека несовместимо ни с иудаизмом, ни с традиционным христианством, поэтому его вряд ли можно приписать Шестову. В итоге, концепция Шестова сталкивается с неразрешимыми противоречиями, которые он не учитывает только потому, что просто не желает их видеть.

Его принципиальная ошибка заключается в отождествлении свободы человека с произволом и даже более узко — с произвольным желанием. На деле *чистый* произвол не в меньшей степени, чем необходимость, выступает для человека в виде неумолимого рока, ведь произволом *нельзя управлять*, как и необходимостью. Подлинная свобода находится где-то в «промежутке» между необходимостью, опирающейся на закон, и произволом. Свобода — это *преодоление закономерности и необходимости*, и она мыслима только *на фоне* закономерности, которой подчинен человек. Это диалектическое соотношение закона и свободы очень хорошо объяснял Шеллинг в своей философии; тот факт, что Шестов буквально высмеивает Шеллинга за его концепцию свободы, говорит не против Шеллинга, а против Шестова: он явно не обладает достаточной глубиной философской мысли, чтобы понять эту оригинальную систему идей, и следует по абсолютно ложному пути, который ведет его в идейный тупик.

Но если свобода может быть понята только в единстве с закономерностью, которую она преодолевает, то и разум, которому выносит проклятие

Шестов, оказывается необходимым условием действительности нашей свободы. Мы должны понять законы, которым подчинены, чтобы наша свобода могла преодолеть их. Такое понимание законов дает разум, и в этом смысле он является основанием любого акта свободы. Но как может быть преодолен закон? Ведь законы, устанавливаемые разумом, не допускают исключений, они претендуют на абсолютную универсальность и неизменность. Но здесь и находит себе естественное место вторая и *главная* способность человека в отношении мира — «пророческое вдохновение», которое позволяет человеку таким образом соединиться с миром и Богом, что у него появляется возможность изменить или отменить закон — хотя бы в одном поступке, который становится *свободным*.

Так понятие «пророческое вдохновение» давно обсуждается в философии, и Шестова ни в коем случае нельзя считать первым, кто обратил внимание на эту способность человеческого сознания. Собственно говоря, как мы видели выше, он заимствует сам этот термин у В. С. Соловьева. Соловьев называл эту способность также *мистической интуицией*, и этот термин можно считать наиболее удачным и достаточно давно принятым в философии. *Интуиция* — это непосредственное, бытийное слияние сознания с познаваемым предметом, как правило, этот термин обозначает именно познавательное отношение. Добавляя определение «мистическая», мы понимаем акт слияния сознания с бытием не только *познаватель*но значимым, но и *практически* значимым: в этом акте наше сознание *изменяет* бытие, не считаясь с законами, выражающими его неизменность и устойчивость. Мистическая интуиция есть то же самое, что «мистическая воля», — это тот акт, который делает возможным настоящую свободу человека, в то время как последовательный рационализм, усматривающий в человеке только одну способность — разум, может дать обоснование только иллюзорной «свободы как осознанной необходимости» (в этом Шестов, конечно, прав).

Можно увидеть значение философии Шестова в резком подчеркивании значения мистической интуиции как основы нашей свободы, однако, стремясь доказать, что только у ветхозаветных пророков, полностью отрицающих доводы разума, мы находим эту важнейшую способность и что только они в этом смысле являются по-настоящему свободными людьми, Шестов впадает в явное преувеличение. Вообще, можно заметить, что риторической красоте своих произведений он уделяет гораздо больше внимания, чем глубине философской мысли; часто ради яркой фразы он готов защищать явно неверную позицию. На деле мистическая интуиция всегда является дополнительной способностью по отношению к разуму и немислима без разума¹⁰. Только в совместном действии двух

¹⁰Эту мысль убедительно доказывали в своей философии Л. П. Карсавин и С. Л. Франк (Karsavin 1994, 232–234; Frank 1990, 308–316).

способностей мы обретаем полноту своего человеческого бытия и обретаем свободу.

В заключение нужно отметить, что иногда Шестов приближался к пониманию свободы, не основанной на абсолютном отрицании закона. В одном из рассуждений из книги «Власть ключей» он признает, что человек, переживавший состояние безнадежности, но преодолевший его и продолжающий жить, никогда не откажется от воспоминаний об этом состоянии и от полученного в нем опыта.

«Есть все основания думать, что человек, переживший безнадежность, ни за что не согласился бы не иметь в прошлом этого переживания. Правда, что добровольно он, пожалуй, не согласился бы повторить такой опыт, но и совсем не иметь его, если уже имел, тоже ни за что не согласился бы»¹¹.

Действительно, в таком опыте человек закаляется и учится быть свободным, несмотря на все сложности жизни. Ведь состояние безнадежности — это состояние, в котором человек понимает свою полную подчиненность обстоятельствам, т. е. «законам» бытия, свою неспособность уйти из-под их власти. И если он все-таки пережил это состояние и живет дальше, значит, он каким-то образом сумел повлиять на обстоятельства, немного изменил их и сделал не столь безнадежными. Именно такой опыт постепенного изменения «законов» бытия в свою пользу и формирует характер человека, его волю, именно в этом процессе реализуется его свобода. И тот факт, что он не может и не хочет отказаться от этого опыта, показывает, что свобода только и может реализовать себя *в сопротивлении законам и необходимости*. Значит, закон и необходимость являются неустранимыми условиями становления свободы и самого бытия человека.

К сожалению, это абсолютно верное рассуждение оказывается изолированным фрагментом в творчестве Шестова. В главной линии своих рассуждений он до самого конца продолжал резко противопоставлять веру и разум, осуждать разум как главный источник зла и греха в нашей жизни и призывать к нерассуждающей вере, которая вопреки его убеждению не может дать свободы, а только уводит от долгой и трудной работы по «взрачиванию» способности к свободе в своей личности.

BIBLIOGRAPHY/REFERENCES

Dostoevsky, F. M. (1973). *Zapiski iz podpol'ia* [Notes from Underground]. In Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenii v 30 tomakh* [Works in 30 volumes]. Leningrad: Nauka, 5, 99–179. (in Russian).

Достоевский, Ф. М. (1973). Записки из подполья. В кн. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений. В 30 т.* Т. 5. Л.: Наука, 99–179.

¹¹ Shestov 1993, 106.

Evlampiev, I. I. (2017). “Ekzistentsial’nyi egoizm” L’va Shestova protiv velikikh idei russkoi filosofii [“Existential egoism” of Lev Shestov against the great ideas of Russian philosophy]. In P. Neznik, B. Markov (eds.). *Dostojevskij a Nietzsche. Apoteoza nezakorenenosti. Za a proti...* [*Dostoevsky and Nietzsche. Apotheosis of Groundlessness: pros and cons...*]. Koscice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, 81–110. (in Russian).

Евлампи́ев, И. И. (2017). «Экзистенциальный эгоизм» Льва Шестова против великих идей русской философии. В кн. П. Neznik, B. Markov (a kol.). *Dostojevskij a Nietzsche. Apoteoza nezakorenenosti. Za a proti...* Koscice: Univerzita Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach, 81–110.

Frank, S. L. (1990). Nepostizhimoe [The Unfathomable]. In Frank S. L. *Sochineniia* [Works]. Moscow: Pravda, 183–559. (in Russian).

Франк, С. Л. (1990). Непостижимое. В кн. Франк С. Л. *Сочинения*. М.: Правда, 183–559.

Karsavin, L. P. (1994). O svobode [On freedom]. In Karsavin L. P. *Malye sochine-niia* [Works]. St Petersburg: Aleteia, 204–249. (in Russian).

Карсавин, Л. П. (1994). О свободе. В кн. Карсавин Л. П. *Малые сочинения*. СПб.: Алетейя, 204–249.

Shestov, L. (1964) Umozrenie i Apokalipsis. Religioznaia filosofia VI. Solov’eva [The Speculation and the Apocalypse. Religious philosophy of VI. Solovyov]. In Shestov L. *Umozrenie i Otkrovenie* [Speculation and Revelation]. Paris: YMCA-Press. (in Russian).

Шестов, Л. (1964). Умозрение и Апокалипсис. Религиозная философия Вл. Соловьёва. В кн. Шестов Л. *Умозрение и Откровение*. Париж: YMCA-Press.

Shestov, L. (1993). Potestas clavium (Vlast’ kluichei) [Potestas clavium (The power of the keys)]. In Shestov L. *Sochineniia v 2 tomakh* [Works in 2 volumes]. Moscow: Nauka, 1, 17–312. (in Russian).

Шестов, Л. (1993). Potestas clavium (Власть ключей). В кн. Шестов Л. *Сочинения. В 2 т. Т. 1*. М.: Наука, 17–312.

Shestov, L. (1996). Dostoevskii i Nitsshe (filosofia tragedii) [Dostoevsky and Nietzsche (the philosophy of tragedy)]. In Shestov, L. *Sochineniia v 2 tomakh*, Tomsk: Vodolei, 1, 317–464. (in Russian).

Шестов, Л. (1996). Достоевский и Ницше (философия трагедии). В кн. Шестов Л. *Сочинения. В 2 т. Т. 1*. Томск: Водолей, 317–464.